

УДК 808.2:801.55=161(075.8)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ИХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Г.А. Хайрутдинова

Аннотация

Целью данной статьи является классификационное описание морфологических средств русского языка, используемых в литературном произведении, с точки зрения их эстетических возможностей. Основу авторской концепции составляет широкий, интегративный подход к трактовке эстетики языковых единиц. В результате исследования установлено, что реализация эстетических ресурсов морфологических средств обусловлена актуализацией одного из аспектов слова, являющегося основной единицей морфологии. Главное внимание в статье уделено актуализации такого аспекта слова, как его целостность.

Одной из доминирующих черт развития лингвистики, начиная со второй половины XX века, является тенденция к расширению границ исследования. Об этом свидетельствует ряд фактов: возникновение «сдвоенных» научных дисциплин (инженерная, компьютерная лингвистика и т. п.), формирование новых объектов внутри самой языковедческой науки (лингвистика текста, теория речевых актов), расширение эмпирической базы лингвистики, более глубокое изучение функциональных слоев языка [1]. В то же время не все аспекты языковой системы разработаны в равной мере; кроме того, степень изученности отдельных вопросов не соответствует требованиям развития современной научной мысли. Одной из таких проблем междисциплинарного характера является выявление эстетических ресурсов языковых единиц. Многие вопросы, относящиеся к данной области научных разысканий, далеки от своего окончательного решения. В сфере лингвистических знаний пока нет научно обоснованных выводов, которые позволили бы ответить на следующие вопросы: а) какова сущность понятия «эстетика языковых единиц», б) какими факторами обусловлено эстетическое воздействие единиц языка на реципиента, в) каковы аспекты изучения эстетических ресурсов языковых элементов, г) насколько реально адекватное описание разносистемных языков и их сопоставление в рамках обозначенной проблемы и т. п.

Состояние разработки этих и смежных с ними вопросов вполне объясняет обеспокоенность не одного поколения ученых отсутствием интегративного подхода к изучению целого ряда проблем филологии. В.В. Виноградов, один из самых тонких знатоков русской словесности XX столетия, неоднократно вы-

сказывал озабоченность по поводу все более увеличивающегося расхождения между различными областями филологических знаний [2].

Интегративный подход к разработке проблемы эстетических ресурсов языковых единиц требует использования не только основного – лингвистического понятийно-терминологического аппарата исследования, но также опоры на более широкую информацию гуманитарного характера – по литературоведению, эстетике. Анализ проблемы с позиций лингвиста дает возможность разобраться во внутренних языковых механизмах создания эстетических эффектов. Привлечение научной информации из области литературоведения позволит рассмотреть основные категории художественного произведения в их отношении к языку. Обращение к специальной литературе по эстетике, с нашей точки зрения, должно способствовать правильному осмыслению природы словесного искусства, сущности различных аспектов его восприятия.

Сложность, многогранность самого объекта исследования диктует необходимость применения при его изучении широкого подхода, предусматривающего опору на эстетическое как наиболее общую категорию эстетики. При эстетическом восприятии предмета человек получает духовное наслаждение, достигает одной из высших ступеней духовного состояния, катарсиса [3, с. 154]. В аспекте анализа текста литературных произведений эстетическими ресурсами обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресата речи. Сущность эстетического воздействия языка литературного произведения на человека состоит в том, что в процессе знакомства с произведением словесного искусства он получает духовное наслаждение (эстетическое удовольствие, духовную радость, игру душевных сил).

Эстетика языка художественного произведения предопределяется эстетическими возможностями языковой системы. Полагаем, что эстетика элементов языковой системы, в том числе и средств морфологии, обусловлена комплексом факторов, к числу которых принадлежат:

- ряд свойств языка как сложной динамической системы («системы систем»);
- закон асимметрии языкового знака (или, по С.О. Карцевскому, асимметричный дуализм языкового знака);
- национальная специфика языка, определяющая основные принципы моделирования мира в языковом сознании его носителей, своеобразии единиц каждого уровня языка, способность языковой единицы ассоциироваться с какими-либо рядами других единиц по критерию семантического или формального сходства¹ (например, в русском языке связь между грамматической формой и содержанием языковой единицы является более тесной и взаимообусловленной, в отличие от французского языка, грамматические элементы которого ввиду тенденции к десемантизации тяготеют к использованию их в строевой, организующей функции в ущерб конкретно содержательной [5, с. 202, 207]);
- внутренние закономерности развития языка (антиномии говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности);

¹ Ср. выводы А.М. Пешковского о том, что большинство форменных слов (т. е. слов с формами словоизменения) ассоциируется с большим числом рядов языковых единиц, в отличие от бесформенных слов, которые стоят в языке изолированно [4, с. 6].

– диапазон образно-эмоциональных, стилистических возможностей, а именно инвентарь, а также потенциальные возможности средств фоностилистики; разнообразие и богатство лексико-фразеологического фонда языка в целом и в особенности образно-эмоциональных единиц; степень развития, гибкость, пластичность грамматических структур (система грамматических оппозиций, развитость парадигматических и синтагматических отношений, возможности транспозиции).

Реализация эстетических ресурсов языка зависит также от определенных традиций употребления его единиц, специфики развития литературных процессов в данном обществе, своеобразия мифопоэтической составляющей национального менталитета, характера развития языковых способностей носителей языка, их художественно-эстетических вкусов, предпочтений и т. д.

В соответствии с нашей концепцией, понятие «эстетика языковых единиц» при изучении языка художественного произведения лишь частично пересекается с понятиями выразительности и экспрессивности, охватывая широкий круг вопросов, ориентированных на анализ языковых средств как составных элементов художественного целого.

Обобщение результатов проведенного исследования свидетельствует о том, что изучение эстетического потенциала языковых единиц целесообразно проводить в связи с рассмотрением комплекса проблем междисциплинарного характера – основных категорий эстетики и литературоведческой науки, вопросов, связанных с изучением формы и содержания литературного произведения. В контексте данного круга проблем анализ эстетики языковых средств следует осуществлять с точки зрения отражения общих для всех объектов действительности эстетических категорий (прекрасного, возвышенного, трагического, комического); формирования художественного образа; традиций, обусловленных формой речи (стихотворной или прозаической); воплощения эстетики литературного направления (к которому тяготеет художественное произведение); реализации его жанрового своеобразия; отражения важнейших свойств композиционного построения; описания индивидуальных особенностей стиля; воплощения идейно-художественной основы.

Значительная часть исследований, в которых освещаются вопросы, имеющие отношение к эстетике языковых единиц, посвящена анализу лексических, фонетических и синтаксических элементов русского языка (Г.В. Векшин, Л.И. Донецких, Е.Г. Ковалевская, Н.Н. Лаврова, В.Ю. Меликян, Л.А. Новиков, В.А. Пищальникова, В.К. Харченко, Н.В. Черемисина и др.).

Морфологические средства языка принадлежат к наименее изученным с точки зрения реализации их эстетических ресурсов. Более того, отношение к этой проблеме со стороны разных ученых ввиду противоречивости их суждений явно не способствует созданию ясного, четкого представления об эстетических возможностях морфологической подсистемы языка. Ряд исследователей весьма сдержанно оценивает возможности морфологических единиц в рассматриваемом аспекте или вообще отказывает морфологическим средствам в способности обладать эстетическими функциями. Например, с точки зрения Л.Ф. Тарасова, «актуализация морфологических категорий, как и собственно морфем, не имеет системного характера». Вступая в научную полемику с выводами

Р.О. Якобсона, Л.Ф. Тарасов заключает, что «большая часть грамматических категорий... собственно эстетического значения не имеет, а лишь сообщает языку... минимум первичной упорядоченности» [6, с. 6]. Следствием такого традиционного подхода к оценке стилистических ресурсов морфологической подсистемы языка следует считать очевидную неполноту их отражения в существующих классификациях стилистических приемов.

Ввиду отмеченных факторов предмет своего научного исследования мы ограничили одним аспектом проблемы эстетики языковых единиц – анализом морфологических средств русского языка в литературном произведении.

Перефразируя слова В.В. Виноградова, можно сказать, что при описании морфологических средств современного русского языка и их эстетического потенциала целесообразно «исследовать и группировать... факты исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий, определяющих связи элементов и их функции в строе языка». Центральным понятием морфологии является понятие слова, представляющего собой «внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений». Существенным является и то, что «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы» [7, с. 16, 22]. Сходная мысль более общего характера высказывалась еще ранее И.А. Бодуэном де Куртенэ, когда ученый указывал на важность ассоциаций слов в человеческой психике не только с представлениями известного значения, но и свойствами языку морфологическими, строительными типами [8]. Основываясь на этих положениях И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.В. Виноградова, считаем, что эстетические ресурсы морфологических средств в художественном произведении реализуются вследствие актуализации одного из аспектов слова как основной единицы морфологической подсистемы языка. Итак, эстетический потенциал слова обусловлен актуализацией следующих его аспектов.

1. Целостность (непроницаемость, неусекаемость) слова. Например: *Все гениальное и не- / Допонятое – всплеск и шалость...* (В. Высоцкий. «Водой наполненные горсти...»); *Ни одно- и ни многоэтажным / я туристом не был. Я работал.* (А. Вознесенский. «Автолитография»); – *Этот парень мне начинает пра... Но он не окончил фразы. Тяжелая рука Гарри Пиля легла на его плечо.* (В. Катаев. «Иван Степаныч»).

2. Грамматическая изменяемость/неизменяемость морфологических единиц. Обратимся к иллюстративному материалу: *Весеннего леса каприччо, / Капризы весеннего сна, / И ночь за окошком, как притча, / Чья тайная суть неясна.* (Ю. Левитанский. «Весеннего леса каприччо...»); – *<...> Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок – польт не напасешься.* (М. Зощенко. «Баня»); *Ты все это тоже обвел взглядом: склоны, горы, небо, и угрюмо предложил: – Я позову ту мадаму...* (В. Астафьев. «Тельняшка с Тихого океана»).

3. Лексико-грамматические особенности слова как элемента формального класса языковых единиц. Например, слово *песня*, характеризующееся нейтральной стилистической окраской, является существительным 2-го субстантивного склонения, в то время как вариант этого слова *песнь*, принадлежащий высокому стилю, относится к 3-му склонению; слово *печь* в современном русском литературном языке входит в группу существительных 3-го субстантивного скло-

нения, в разговорно-просторечной или областной речи лексема *печа* имеет флексии, свойственные существительным 2-го склонения: *Лечу, парю – и под собою / Моря, леса, мир вижу весь; / Как холм, он высится главою, / Чтобы услышать Богу **песнь***. (Г. Державин. «Лебедь»); *Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. **Песнь** росла, разливалась*. (И. Тургенев. «Певцы»); *Вот, милая, только я задремала на **пече-то**, чую, в куте половища скрипнула, думаю, кот ходит...* (В. Белов. «Привычное дело»).

4. Свойства слова, определяющие его отнесенность к лексико-грамматическому разряду. Приведем примеры использования собственных имен, образующих один из разрядов имен существительных: *Мы за смех, но нам нужны / Подобнее **щедрины** / И такие **гоголи**, / Чтобы нас не трогали*. (Б. Благов. «Мы за смех, но нам нужны...»); *Развернись, гармоника, по столику, / Я тебя, как песню, подниму, / Выходила **тоненькая-тоненькая**, / **Тоней** называлась потому*. (А. Прокофьев. «Развернись, гармоника...»); *И в этот берег дикий / Стучит волною **Тихий**, / Ужасно **тихий океан***. (Ю. Ким. «Капитан Беринг»); *Все в этот день происходило среди падающих листьев – так что среди падающих листьев происходила и наша **Одиссея***. (Ю. Олеша. «Ни дня без строчки»).

5. Один из аспектов морфологической категории, характеризующей данную лексему или словоформу в пределах части речи. Обратимся к примерам, связанным с реализацией эстетических потенций категории числа существительного: *Цвети, отечество святое, / **Сынам** любезное, драгоценое!* (Н. Карамзин. «К отечеству»); *Пролетели золотые **годы**, / Серебрятся новые **года**...* (И. Сельвинский. «Гете и Маргарита»); *Я не могу без тебя жить! / Мне и в дожди без тебя – суши, / Мне и в **жары** без тебя – стыть, / Мне без тебя и Москва – глушь*. (Н. Асеев. «Простые строки»); *Разве что браконьершишки **осенями** запрутся в глубинную таежную **дебрю**, из которой и сейчас еще тянуло холодом и мшелой, седой дикостью*. (В. Астафьев. «Царь-рыба»).

6. Свойства лексем, связанные с ее частеречной принадлежностью. Иллюстративным материалом могут служить следующие примеры: *Подивятся дальние потомки / Моему безбрежному **«люблю»***. (Н. Клюев. «Я люблю цыганские кочевья...»); *Но облака! Но звоны! / То **Завтра** на всех парах / Проносится вдоль перрона...* (М. Цветаева. «Побег»); *Мы все живем как будто, **но** / Не будоражат нас давно / Ни паровозные свистки, / Ни пароходные гудки*. (В. Высоцкий. «Мы все живем как будто, но...»).

Рассмотрим более подробно первую группу примеров, в которых реализация эстетических возможностей языковых средств обусловлена актуализацией целостности слова. Анализ материала позволяет выделить ряд основных способов подобной актуализации.

1.1. В процессе воплощения своего художественного замысла автор может употребить слово в сокращенном виде, опустив какую-либо его часть. В большинстве случаев наблюдается усечение слова, когда сокращению подвергается его конечная часть (элемент основы + окончание, все окончание или его часть). Усеченные слова (словоформы) применяются для усиления изобразительности представляемой ситуации, отражения эмоционального состояния персонажа, передачи того или иного оттенка категории комического, речевой стилизации и

т. п. А. Аверченко использует этот прием в рассказе «Рыцарь индустрии» для изображения динамики повествования и более наглядного представления описываемых действий – настойчивых попыток одного из персонажей оказать услуги коммерческого характера, несмотря на явное противодействие этому со стороны окружающих:

– *Одна штука – восемнадцать рублей, две дешевле...*

Я отложил револьвер и, схватив господина Цацкина поперек туловища, с бешеным ревом выбросил в окно.

Падая, он успел крикнуть мне:

– *У вас очень непрактичные запонки на манжетах! <...> Могу предложить африканского золота с инкрустацией, пара два рубля, три пары де...*

Я захлопнул окно.

Сокращенное слова *господа* в рассказе В. Катаева «Первомайская пасха», являясь обмолвкой персонажа, служит не только его речевой характеристикой, но и передает комизм изображаемой ситуации: председатель месткома Кукуев, следующий традициям прежней, «господской» жизни, пытается предстать перед неожиданно зашедшим в гости сослуживцем ревностным сторонником новой общественно-политической формации. Приведем фрагмент текста:

– *Вот и прекрасно. И я с вами за компанию исследую колбочку рябиновой. Ваше здоровье! За «хозяйственное возрождение»!*

– *Воистину возрождение!*

– *Госп... товарищи! Что ж вы перестали, это самое, анализировать?*

В стихотворении Ю. Кима «Оттепель в Ленинграде» прием сокращения слова *километров* используется одновременно с целью языковой игры и для создания рифмы: *Уж как я на поезд сяду, / Сам себе да на уме, / От Москвы до Ленинграду / Шестьсот двадцать киломе.*

1.2. Еще одним способом привлечения внимания к целостности слова является его разделение на части. Членя слово, автор предполагает решение разных художественных задач. Одной из них может быть порождение комической реакции. Так, А. Архангельский, имитируя в одной из литературных пародий характерные черты идиостиля С. Кирсанова, расчленяет слова *желудка, хороша*, используя их части в разных стихотворных строчках: *Простоквашиа / просто / прелесть. / Простокваше / песни / пелись. / Просто / ква / просто / ша / для же / лудка / хоро / ша*¹. В. Ерофеев также с целью достижения комического эффекта обыгрывает элементы нарицательного существительного *комбикорм*, представляя их в качестве своеобразных онимов иноязычного происхождения: *В двенадцать ноль-ноль по Гринвичу я уже был представлен директору Британского музея, фамилия у него какая-то звучная <...> вроде сэра Комби Корм: «Чего вы от нас хотите?» – спросил директор Британского музея.* («Москва – Петушки»).

В других случаях писателю важно выделить определенный семантический признак, усилить те смысловые отношения, которые передаются морфемами в составе слова. В предлагаемом далее примере автор подчеркивает отношения противопоставления между вычленяемыми морфемами, используя их в соот-

¹ Актуализация слова *простоквашиа* носит более сложный характер: кроме членения на части, использован прием вставки первого элемента, омонимичного частице *просто*, между вторым и третьим элементами лексемы.

ветствующей синтаксической конструкции: *Встаньте, / геройские мальчики вышли в герои, но в анти, встаньте...* (А. Вознесенский. «Плач по двум не рожденным поэмам»). Безусловно, определенной эстетической мотивацией здесь обладает и версификационная функция рассматриваемого приема.

1.3. Целостность слова может быть актуализирована путем вставки внутрь лексемы других языковых единиц – слова, словосочетания или предложения. В приводимом далее примере между частями композита вставляется модальное слово *точней*, что придает контексту иронично-саркастический характер: *Выясняли вы отношенья / До полнейшего их завершенья, / До успешного их крушенья. / До взаимо-, точней, зачищенья.* (В. Вишневский. «XXX»).

В. Ардов использует данный прием с целью достижения комического эффекта и для речевой характеристики персонажа: глагол *попить* расчленяется на два элемента и на месте морфемного шва между префиксом *по-* и корневой морфемой вставляется существительное *чай* (ср.: *попить чай* → *почайпить*). Проиллюстрируем сказанное фрагментом текста:

Клавдия Никифоровна снова просунула голову:

*– Я смотрю, ваш чайник долго так кипит, то пойдемте лучше ко мне **почайпить**. Милости просим без церемоний, как соседи и интеллигенты!* («Тяга к дружбе»).

1.4. В качестве еще одного способа обыгрывания целостности слова выступает своеобразное «склеивание» двух и более слов: между ними отсутствуют пробелы, в авторской интерпретации они представлены как одно слово, пишущееся слитно или через дефис. Например, в повести Л. Кассиля «Дорогие мои мальчишки» один из персонажей сказочного фрагмента произведения назван *Жилдабыл*. Это имя, представляя собой интертекстуально осложненную номинацию, обладает значительным ассоциативным ореолом (ср. один из наиболее частотных вариантов зачина русских народных сказок: *Жил да был...*) и, кроме того, указывает на некоторые черты его носителя: *Первым министром и, по сути, правителем страны стал главный придворный Ветрочет, хитрый Жилдабыл, продувная бестия*. Сходный прием в сказке «Три толстяка» использовал Ю. Олеша, остроумно назвав учителя танцев *Раздватрис*. Внутренняя форма онима достаточно прозрачна – как известно, учителя танцев во время репетиций неоднократно повторяют: *Раз, два, три...* Необходимо также иметь в виду, что при обращении к представителям среднего сословия в России принято было обращение *сударь* – отсюда сокращенный элемент этого обращения *-с*. Обратимся к контексту: *На дверях у него висела дощечка с надписью: Учитель танцев **Раздватрис**.*

В большей части случаев при создании окказионального образования из двух и более слов используется дефис. Например: Отец снял парусиновую шапку, такую большую, что под ней легко спрятаться... Старую, обмятую, ее можно надевать задом наперед, он прозвал ее «**здравствуй-прощай**». (В. Сафонов. «Песок под босыми ногами»); ...райком решил расследовать деятельность Вениамина Пробкина, проверить, соответствует ли он занимаемой должности, не порочит ли и в самом деле **то-передовое-которому-служим**. (В. Аксенов. «Скажи изюм»).

В сочетании лексических единиц, представленном как одно слово, может наблюдаться опущение одного или нескольких звуков (в письменной речи – буквы либо сочетания графических элементов). Этот способ актуализации це-

лостности слова используется с целью характерологической стилизации речи персонажа – для отражения таких ее качеств, как неполнота, небрежность, наличие разговорно-просторечных элементов, для указания на определенные индивидуальные особенности словоупотребления: - *А ты **всамделе** (вместо сочетания слов *в самом деле*) *попробуй, Миша, раз на свой вольтаж надеешься.* (В. Шишков. «Спектакль в селе Огрызове»).*

1.5. К случаям актуализации целостности слова можно отнести игру звуковым подобием одного слова и части другого. Обыгрываемый звукокомплекс представлен в двух лексических единицах: в одном случае это слово, обладающее признаками самостоятельности, фонетической и лексико-грамматической целостности, непроницаемости, неусекаемости, в другом – это часть слова (морфема или сочетание звуков), не обладающая названными свойствами.

Преобладают случаи, когда обыгрыванию подвергаются две языковые единицы, одна из которых представляет собой сложное слово, а другая – простое, совпадающее по звучанию с какой-либо корневой морфемой первого: **Много-обещающий человек**. **Много** обещает, но ничего не исполняет. (Э. Кроткий); **Двуличная личная** секретарша. (Э. Кроткий).

В поэтических произведениях двадцатого столетия возросло количество случаев, когда звуковое совпадение одного слова и морфемного либо неморфемного отрезка другого обыгрывается в составе рифм: *Ветер с моря, тише дуй и **вей** – / Слышишь, розу кличет **соловей**?* (С. Есенин. «Голубая да веселая страна»); *Ветер **веет неутомимо** – / Веет вечно и **веет мимо**.* (О. Мандельштам. «Пилигрим»); *Нет, не я вам печаль причинил. / Я не стоил забвения **родины**. / Это солнце горело на каплях чернил, / Как в кистях запыленной **смородины**.* (Б. Пастернак. «Послесловье»); *Никто из нас другим не властелин, / хотя поползновения **зловещи**. / Не мне тебя, красавица, обнять. / И не тебе в слезах меня пенять, / поскольку заливает стеарин / не мысли о вещах, но сами **вещи**.* (И. Бродский. «Подсвечник»); *Часы и **телефон** / В их сути сокровенной – / И фабула и **фон** / Для драмы современной.* (Ю. Левитанский. «Часы и телефон...»); *Досадно попугаем жить, / Гадюкой с длинным **веком**, - / Не лучше ли при жизни быть / Приличным **человеком**?!* (В. Высоцкий. «Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Исуа...»); *Нет подобных **геометров**: / Мяч вбивает за сто **метров**.* (О. Григорьев. Поэма «Футбол»).

1.6. Актуализация целостности слова обнаруживается при намеренном сближении слова и сходного с ним по звучанию сочетания лексических единиц. Слово, части которого являются созвучными другим лексическим единицам, нередко бывает сложным, при этом в обыгрывании грамматических свойств омофоничных единиц языка могут участвовать и однокоренные слова, и лексемы с разными этимонами, например: *Чтоб цели в нелегкой достичь судьбе, / Ты разные средства позволь себе. / И все же не **всевозможные**, / А только лишь **все возможные**.* (Э. Асадов. «Чтоб цели в нелегкой достичь борьбе...»); *Хорошо помню свой первый визит во дворец. Они вышли мне навстречу – принцесса и **пара графов Параграфов**, находящихся при ней неотлучно.* (Ф. Кривин. «Страна Грамматика»).

Встречается также обыгрывание частей простого слова: *Я – **семья**, / во мне как в спектре живут **семь «я»**, / невыносимых как **семь зверей**, / а самый синий*

свистит в свирель! (А. Вознесенский. «Я – семья...»); *Пишет он не зря трилогии: / Коль решатся люди строгие / Все три книги разругать, – / Будут только раз ругать...* (А. Рейжевский. Эпиграмма на С. Сартакова).

Анализ наших примеров свидетельствует о том, что обыгрывание целостности слова в качестве способа реализации эстетических ресурсов морфологических средств русского языка получило достаточно широкое распространение в русской литературе XX столетия, особенно в произведениях постмодернизма. Актуализацию данного аспекта слова при реализации его эстетических ресурсов можно считать одной из особенностей индивидуального стиля таких писателей, как В. Аксенов, А. Вознесенский, В. Катаев.

Summary

G.A. Hairytidinova. Morphological Means of the Russian Language in the Aspect of Their Aesthetic Resources.

The article is aimed at giving a classificational description of the morphological means of the Russian language used in literary work with regard to their aesthetic potential. The author's conception is based on wide integrative approach to language unit aesthetics interpretation. The conclusion is made that the realization of aesthetic resources of morphological means is stipulated by actualizing some particular aspect of word as a basic unit of morphology. Focus is made on actualizing integrity as a word aspect.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца 20 века.* – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.
2. *Виноградов В.В.* Слово о филологическом образовании // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 1998. – № 1. – С. 151–154.
3. *Бычков В.В.* Эстетика. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
4. *Тарасов Л.Ф.* Поэтическая речь. (Типологический аспект). – Харьков: Вища шк., Изд-во при Харьк. ун-те, 1976. – 140 с.
5. *Пешковский А.М.* Школьная и научная грамматика. – М.: Работник просвещения, 1925. – 100 с.
6. *Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б.* Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высш. шк., 1965. – 378 с.
7. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.
8. *Бодуэн де Куртене И.А.* Слово и «слово» // *Избр. тр. по общему языкознанию: в 2 т.* – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 240–242.

Поступила в редакцию
26.10.07

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.